

КИНО ВПЕРВЫЕ

Это случилось летом того же года, когда я окончил первый класс и перешел во второй. В ауле нас, мальчиков, поднимали на заре. Летом ли, зимой ли — все равно ты должен был вставать на рассвете. Таков был обычай, нас готовили к жизни трудной.

— Вставай, сынок, уже рассвело! — услышал я сквозь сон голос мамы. — Вставай, сну пора уходить за горы, вставай, сынок!

Ее голос был для меня самым приятным и ласковым на свете, но мне не хотелось слышать в тот час даже его — так велико было желание поспать.

— Мм! — промычал я.

— Вставай, сынок! — повторила мама, склонившись надо мной. — Во дворе ждет тебя белый ослик, ждет корова с лысиной на лбу, вставай, милый мой, друзья твои ждут. Ты же у меня герой.

Мама поцеловала меня в голову. Это мне было очень приятно, но больше всего подействовали на меня слова «ты же у меня герой», и я даже не стал вытягиваться, медлить, как бывало обычно, а сразу же соскочил с кровати и стал одеваться, чем немало обрадовал маму. Она похвалила меня. Я быстро умылся, оделся, выпил чашку айрана и выбежал. Во дворе и вправду ждал меня мой ослик. Я оседлал ослика, сел на него и погнал корову с лысиной на лбу, которую мама уже успела подоить. Это я делал каждое утро. Корову обычно оставлял с сельским стадом, ослика нагружал сухими чинаровыми дровами и возвращался к завтраку домой. Дрова мои были такими сухими, что звенели при ударе. Мама радовалась, что я, будучи еще маленьким, умею собирать такие хорошие дрова, это, мол, признак того, что я стану хорошим крестьянином, прилежным, умелым работником, толковым хозяином. О, как этим была довольна моя бедная, моя добрая мама! Как ей хотелось, чтобы я вырос хорошим, работающим человеком, жил бы хорошо, не зная бед, не делая злых дел, был счастлив.

И в то летнее утро, оставив корову с сельским стадом, нагрузив ослика сухими чинаровыми дровами, я возвращался в аул. И вот совсем неожиданно моим глазам предстала никогда не виданная мною картина: у подножия склона, на большой зеленой поляне, заросшей ореховой рощей, я увидел много людей, одетых в защитное, ставящих палатки. Винтовки их были сложены стоймя. Это и явилось для меня неожиданным удивлением. Я подумал, что это солдаты, которые пришли ограбить наш аул и убить его жителей, и решил спрятаться под старой чинарой, одиноко стоявшей у дороги. Я был уверен, что эти пришельцы убьют меня, если заметят. Мой нагруженный ослик, не обращая внимания на чужаков, пошел домой. Думаю, я просидел довольно долго, прижавшись к стволу дерева, люди в защитной одежде успели установить много палаток такого же цвета, как и их одежда. Вот я сижу под чинарой и не знаю, как мне быть. Мама моя, думал я, потрясена: ослик-то пришел домой без меня. Такого никогда не бывало. Бедная мама подумает, что со мной случилось что-то страшное! «Что мне делать? Что мне делать? — сокрушался я в отчаянии. — Если пойду, эти чужие люди могут убить меня, не пойти — так мама, наверное, плачет. Обходной дороги нет, справа река, слева — скалы». Я начал плакать. Но вскоре увидел верхового в белой войлочной шляпе, едущего в сторону аула. Как я был рад, когда приблизился верховой: в нем я узнал своего любимца Горду. Он ехал на белом муле. Другого мула такой масти в нашем

ауле не было.

— Горда! Дядя Горда! — закричал я, выскочив из-за дерева, не дожидаясь, когда он поравняется со мной, боясь, что Горда проедет, не заметив меня.

Подъехав ко мне и увидев меня, родич и сосед остановился, спешиваться не стал и весело сказал:

— А-а, это ты, племянничек мой! Здравствуй, Ако!

— Здравствуй, дядя Горда!

— Чего здесь стоишь?

— Да вот...

Сначала я решил, что неудобно признаться в том, что я испугался вооруженных людей. Поэтому я замялся.

— Что с тобой приключилось? Скажи.

— Я погнал корову к стаду, в ближнем лесу нагрузил ослика дровами и возвращался к себе...

— Где же твой ослик?

— Пошел домой.

— Один?

— Один.

— Тот белый ослик, которого я подарил тебе?

— Да.

— А почему ты остался здесь?

— Я... Я... Испугался! — вынужден был я, хоть и с трудом, но признаться.

— Кого, чего?

— Вот этих людей...

— Каких?

— Которые поставили вот эти зеленые домики...

— Ах, вот оно что!

— Они чужие, у них винтовки, могли убить меня.

— Ах ты, герой! — засмеялся Горда.— И как же ты думал попасть домой, к маме? Или так просидел бы здесь день и ночь?

— Ждал, когда подъедет или подойдет кто-нибудь из наших аульчан.

— Ай-ай-ай! Они же люди. Зачем им убивать тебя, Ако?

— Люди разные бывают, дядя Горда. Так говорит моя мама. Злые люди убивают детей. В сказках, которые ты сам рассказываешь, тоже так бывает.

— То в сказках, Ако, а здесь...

— Злые люди могут убить и здесь.

— Я рассказывал тебе сказки, племянник, чтобы ты рос храбрым, а ты испугался обыкновенных людей среди бела дня. Ай-ай-ай! А мама твоя ждет тебя, не знает, где ты. Ослик пришел один. Вот тебе раз! Испугался обыкновенных людей...

— Нет, они не обыкновенные, у них у всех ружья и одеты не так...

— Ну ладно, давай садись ко мне сзади седла и поехали. Посмотрим, что за люди.

Горда погладил темные густые усы, взял меня за руку, посадил к себе сзади седла, я обеими руками взялся за его узкий горский ремень с серебряными украшениями, и мы поехали вдвоем на белом муле рассказчика сказок и всяких историй.

Когда мы подъехали к зеленым палаткам, люди, которых я так боялся, с любопытством стали смотреть на нас. Теперь мне кажется, что большинство из них, должно быть,

впервые видели мула. Придержав его у одного из шатров, Горда приветствовал незнакомцев :

— Ассалам алейкум!

— Алейкум салам! — ответили несколько голосов.

Оказалось, что среди них были и балкарцы, даже выходцы из нашего ущелья.

— Добро пожаловать! — сказал кто-то из них.

— Спасибо,— ответил Горда.— Кто вы и куда держите путь?

— Мы студенты. Прибыли из города. Совершаем культурный поход в горы.

— Что делаете?

— Культурный поход совершаем.

— А что это такое, братишка? Я не понял...

— Вот сегодня, например, здесь будем показывать аульчанам, взрослым и детям, кино.

— Что показывать?

— Кино.

Горда, как и я, не понял, что они собираются показывать, но больше не стал спрашивать, видимо, побоялся, что его, сказочника и рассказчика историй, любимца детей аула, сочтут за тупицу.

— А показывать будете вот здесь? — спросил осторожно Горда.

— Да, приходите. Показывать кино начнем, как только стемнеет. И ты приходи, мальчик. Как тебя звать?

— Ако,— ответил я, стараясь показаться смелым.

— Приходи. Своим дружкам тоже скажи. Мы с тобой станем друзьями. Я тоже из этого ущелья.

— Придем,— ответил за меня Горда.

Да, мой дядя был прав — эти люди оказались обыкновенными. Только одежда на них была другая, чем у наших аульчан. А я боялся, что они убьют меня. Как забавно и смешно теперь это.

Как только мы с Гордой отъехали от лагеря студентов, нам встретилась мама. Она с моей сестренкой, которая старше меня года на два, шла искать меня, решив, что со мной случилось несчастье.

— Добрый день, сноха! — приветствовал Горда маму.

— Добрый день, Сказочник,— ответила она грустно.

Мама никогда не произносила настоящего имени деверя. Так пола-галось по обычаю.

— Куда это ты собралась, невестка?

— Да вот, нагруженный дровами ослик пришел домой, а мальчика нет. Такого не бывало никогда. Не знаю, что и подумать.

— Ничего, сноха, Ако — парень смышленный и храбрый, не пропадет.

— Не знаю, не знаю, места себе не нахожу, иду искать.

У мамы на глаза навернулись слезы. Видя тревогу и страдание матери, я не выдержал и, выглянув из-за спины Горды, крикнул:

— Я здесь, мама! Не плачь, мамочка!

— Ты жив! — обрадовалась она сначала, а потом стала ругать меня, хотя была счастлива тем, что ничего со мной не случилось.

— С моим племянником ничего и не могло случиться,— сказал Горда.— Он храбрый.

Даром, что ли, я каждый день рассказываю ему сказки.

— Ах, он негодный! — старалась мама бранить меня, хотя и не могла злиться. Нашелся

сын, ничего с ним не случилось, и в душе матери теперь была только радость. Так, наверное, чувствует себя птица, вернувшись в гнездо и найдя своих птенцов невредимыми.

По аулу быстро распространялась весть о том, что на Зеленой поляне перед аулом приезжие студенты, среди которых есть и балкарцы, будут показывать что-то такое, чего никто из жителей ущелья не видел никогда. Это заинтересовало не только детей, но и взрослых. Вечером мы с Гордой и несколькими соседскими мальчишками пришли на Зеленую поляну первыми. Постепенно народу собралось много. И стариков было много. Не пришли только женщины. Не полагалось. На склоне между двумя зелеными ореховыми деревьями повесили что-то белое — нечто вроде простыни. У подножия склона стоял какой-то аппарат, возле него возился светловолосый молодой человек, рядом с ним стал тот смуглый балкарец, который днем разговаривал с Гордой. Он поднял руку, обратился к собравшимся:

— Жамауат! * Прошу тишины и внимания. Мы, студенты, приехавшие к вам из города, приветствуем вас всех. Мы, строители новой, советской жизни, горячо стремимся и желаем распространить культуру в наших горах; мы боремся с темнотой и вековой отсталостью родного народа, хотим заменить тьму светом. Это и является целью нашего похода. Потому и назвали его культурным. Сегодня мы покажем вам кино. Это произойдет сейчас впервые в вашем ауле, поймите — впервые, уважаемый жамауат! Чтобы вы поняли содержание этого кино, я буду переводить надписи и рассказывать содержание по-балкарски. Только детям необходимо соблюдать тишину. Ребята! Вы впервые сегодня на этой Зеленой поляне увидите кино. Потом, став стариками, будете рассказывать своим внукам, как это случилось. Вы вспомните этот вечер в горах, обязательно вспомните... Итак, вы впервые увидите сейчас кино!.. Тишина!

Все притихли, ждали, не зная, что это за кино. Светловолосый юноша начал крутить свой аппарат, и на белом полотне, натянутом между двумя деревьями, совершенно неожиданно для нас появилась отара овец. Мы, аульские мальчишки, удивились и пришли в восторг. Уверенные, что это настоящие, живые овцы и что они шарахнутся, как наши на горных пастбищах, стали забрасывать их своими войлочными шляпами. К белому полотну летели белые и серые, новые и старые, помятые и непомятые шляпы. Мы весело кричали.

— Что вы делаете, ребята! Прекратите! — обратился к нам снова парень, который переводил содержание фильма. Но не так-то легко было нас утихомирить. С трудом все же удалось ему вернуть относительную тишину. Кино продолжалось. Больше овец не было видно, мы шляпы не бросали. На экране происходили какие-то непонятные нам события, студент старался объяснить нам на родном языке содержание того, что нам показывали. Мы притихли, снова стали смотреть и слушать студента. Люди скакали на конях, их было много, они воевали, рубили друг друга саблями. Появлялся бородатый человек, которого переводчик называл Пугачевым. Мы, аульские дети, не знавшие по-русски даже слова «хлеб», с удивлением слушали, как студент рассказывал нам содержание русского фильма. Многие из нас говорили про себя: «Вот бы так знать нам русский язык!» На белом полотне появилась молодая девушка, и переводчик сказал: — Это дочь Пугачева.

Прошли годы. Я учился, освоил русский язык. Читал русских писателей. Видел старый немой фильм «Капитанская дочка». Тогда я понял, что студент, объяснявший нам

содержание фильма, не так уж хорошо понимал его сам и был не так силен в русском языке. Но мне и сейчас его рассказ кажется не только забавным. Я вспоминаю его с благодарностью. Он уже тогда знал кое-что, а мы еще не знали ничего. Тот вечер был чудесный, незабываемый. Тогда на Зеленой поляне, у родного аула, мы видели одно из чудес нового времени — кино!.. Мы были удивлены. И это осталось с нами навсегда...

* Жамауат — общество, собрание.